

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ.	11
1.1. Уроки кризиса	11
1.2. Ошибки современной экономической науки	15
1.2.1. Холизм и поиск нормальности	16
1.2.2. Рациональность и институционализм	17
1.3. Шотландское наследие и его судьба	19
1.4. Разрывая порочный круг институционализма	21
1.5. Экономические последствия	24
1.6. Заключительные положения	25
ГЛАВА 2. О ПРИРОДЕ И ГРАНИЦАХ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	29
2.1. Задание контекста	29
2.2. Когда экономическая теория не была общественной наукой	33
2.3. Экономическая наука до маржинализма: естественные законы встречаются с производством	38
2.4. Наследие классической школы: холизм, междисциплинарный характер, статика	42
2.4.1. Обольщение холизма	43
2.4.2. Соблазн индуктивизма	46
2.5. Субъективистская революция: одно потерял, другое сломалось	47
2.6. Синтез Кейнса и кейнсианцы: от долгосрочного периода к краткосрочному.	50
2.7. Предварительные выводы: от естественного равновесия к общему равновесию.	53
2.8. Сегодняшнее состояние экономико-теоретического мейнстрима	56
2.9. Австрийская школа и вызов, брошенный ей парадигме ценности.	58

ГЛАВА 3. ВРЕМЯ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО	61
3.1. Одного равновесия недостаточно	61
3.2. Иллюзии экономики без времени	63
3.2.1. Отсутствие времени и природа противоциклической экономической политики	64
3.2.2. Отступление: новое вино в старые мехи	66
3.3. От методологического индивидуализма к рациональности и осознанности	68
3.3.1. Рациональность и политическое действие	69
3.3.2. Осознанность	71
3.3.3. Полезна ли индивидуальная рациональность?	74
3.3.4. Социальная и групповая рациональность	77
3.4. Следствия из индивидуальной и социальной рациональности	79
3.4.1. Об ограниченной рациональности	80
3.4.2. Проблема безбилетника	82
3.4.3. Альтруизм мнимый и альтруизм подлинный	86
3.4.4. Культура и верования	91
ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ	97
4.1. Рациональные индивиды и институты	97
4.2. Природа добровольных институтов	104
4.3. Основания принудительных норм	108
4.4. О динамике принудительных правил	114
4.5. Наследие Веблена и вызовы современного институционализма	120
ГЛАВА 5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОГОВОРЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ НОРМЫ	125
5.1. О производстве, надежности и стабильности норм	125
5.2. В поисках конституционных решений	128
5.3. Общественные договоры в политической сфере	133
5.3.1. Обсуждение конституционного договора	136
5.3.2. Критические соображения по поводу квазиминимального договора	141
5.4. Глубокие перемены и периодизации истории западной цивилизации	147

5.4.1. Григорианские века	149
5.4.2. Секулярный период	155
5.4.3. Эпоха социальной ответственности	159
5.5. Правила в истории: итоговый обзор	164
5.5.1. Еще раз о недостатках контрактарианского подхода	168
5.5.2. Об искушении институционализма	170
5.5.3. Претерпевает ли разработка и реализация социально-экономической политики эволюционные изменения?	172
5.6. Программа эмпирических исследований	175
ГЛАВА 6. ЛЕГИТИМНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ. ШКОЛА ПРАВА И ЭКОНОМИКИ И ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ТРАНЗАКЦИОННЫХ ИЗДЕЖЕК	181
6.1. Выход из замкнутого круга легитимности	181
6.2. От неоклассического институционализма к L&E	186
6.3. Что такое «транзакционные издержки»?	189
6.4. Транзакционные издержки, связанные с правами собственности: принуждение	191
6.5. Еще о транзакционных издержках, связанных с правами собственности: наделение и определение	196
6.6. Транзакционные издержки, истинные и ложные	200
6.7. Издержки обмена, институциональные издержки и социально-экономическая политика	202
ГЛАВА 7. НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДХОДА L&E	205
7.1. От экономической теории транзакционных издержек к L&E Рональда Коуза	205
7.2. Первая исследовательская программа L&E и наследие институционализма	211
7.3. Второе (прагматическое) направление развития L&E	217
7.3.1. Прагматизм по версии Познера	218
7.3.2. Введение в концепцию третьего пути Ричарда Эпстайна	221
7.4. Предварительные выводы: школа L&E в истинном свете	224
7.5. Исторические перспективы «права правил»	234

7.5.1. О роли судей	236
7.5.2. От верховенства права к праву правил	241
7.5.3. Что можно сказать о будущем?	243

Глава 8. Экономический рост и экономический кризис:

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ.	247
8.1. Экономический рост и проблема счастья	247
8.1.1. От индивидуального счастья к коллективному экономическому росту	248
8.1.2. Измерение экономического роста в эпоху социальной ответственности.	250
8.1.3. Что не так с измерением?	252
8.2. О чем говорят теории экономического роста?	255
8.2.1. Три доктрины	255
8.2.2. Конвергенция	257
8.3. Наука, технология и границы научного описания на базе теорий экономического роста	259
8.4. Теории экономического роста в исторической перспективе.	261
8.5. Теория эндогенного предпринимательства.	266
8.5.1. В чем состоят ошибки австрийской концепции предпринимательства.	267
8.5.2. Что происходит, когда институты более не являются экзогенными?	271
8.6. Можно ли спасти предпринимательство?	274
8.6.1. Сумрак кейнсианства.	275
8.6.2. Предпринимательское оцепенение и роль образования.	277
8.7. Долгосрочные аспекты разработки и реализации социально-экономической политики: технологии и предпринимательство	280
8.8. Экономическая политика в среднесрочном периоде: антициклическое государственное вмешательство	284
8.8.1. Антициклические меры – стратегия и результаты	285
8.8.2. Иногда причиной кризиса является случайное стечение обстоятельств.	287

8.8.3. ...а иногда — плохая наследственность, мошенничество и невнимательное прочтение.....	288
8.8.4. ...но не прикрывает жадность и слепоту	291
8.9. Уроки для надвигающегося кризиса.	292
8.10. Заключительные выводы	297
ГЛАВА 9. Бедность и ПРОЦЕСС ПЕРЕХОДА	301
9.1. О чем эта глава.	301
9.2. Новая оценка роли культуры, поведенческих шаблонов и общественных договоров	304
9.2.1. Культура	304
9.2.2. Поведенческие шаблоны	307
9.2.3. Общественные договоры	309
9.2.4. Свойства процесса взаимодействия	311
9.3. Проблема бедности	311
9.3.1. Начнем снизу	316
9.3.2. Стремление к внеэкономической ренте.	318
9.3.3. Поворотная точка в открытых культурах и в обществах, ориентированных на достижение единой цели	323
9.4. Процесс перехода	326
9.4.1. Разные типы переходных процессов: три примера	331
9.4.2. О переходном процессе и погоне за внеэкономической рентой	335
9.5. Статус социально-экономической политики в период перехода к экономическому росту	337
9.5.1. Образование	340
9.5.2. Система правосудия	342
ГЛАВА 10. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	347
10.1. Описание, объяснение, рекомендации.	347
10.1.1. Описание.	348
10.1.2. Объяснение	350
10.1.3. Рекомендации	354

10.2. Доброе правление и свободный рынок	355
10.2.1. Свободный рынок и личные убеждения	356
10.2.2. В чем состоит роль принципа верховенства права?	358
10.2.3. Возвращаясь к первоначальным принципам	362
10.3. От социализма к свободному рынку и обратно.	364
10.3.1. Еще раз о консеквенциалистской доктрине и концепции моральности	365
10.3.2. Эпизод: неубедительная риторика свободного рынка, имевшая место в конце XX века	367
10.4. Что можно сказать о социально-экономической политике будущего?	369
Благодарности	374
Примечания	375
Библиография	465
Указатель имен	485
Предметный указатель.	489

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Уроки кризиса

Когда в начале 2009 г. так называемый кризис субстандартных закладных достиг своего пика, противники свободной рыночной экономики поняли, что наконец-то получили возможность вернуться на первые полосы газет. В действительности они не переставали надеяться на «интеллектуальное возвращение» в течение всего периода долгого молчания, начавшегося сразу после 1989 г., когда потерпела крах система централизованного планирования. Кризис 2007—2009 гг., как и положено всякому кризису, породил множество проигравших: в их число входят налогоплательщики, безработные, инвесторы, получатели фиксированных доходов, все те, кто, находясь в более или менее предпенсионном возрасте, внезапно обнаружили, что существенная часть накопленного состояния исчезла, либо что их пенсии будут значительно меньше того, что они ожидали. Однако существовала по меньшей мере одна категория лиц, которые в той ситуации получили чистый выигрыш. Это были политики и вообще все те, кого можно причислить к людям, устанавливающим правила игры, т.е. все те, для кого увеличение государственного вмешательства в экономику означает прямую выгоду, все те, кто всегда оправдывает увеличение государственных расходов и рост государственного регулирования. Понятно, что после паники, продлившейся несколько дней в сентябре 2008 г., политики и все, кто причастен к законодательному процессу, воспользовались открывшимися возможностями и быстро начали действовать, используя кризис как предлог для расширения государственного вмешательства и повышения своего статуса¹. По мере развертывания финансового кризиса они спешно объявляли о своей готовности подключиться, поддержать и просто-напросто спасти от банкротства те компании, крах или спасение которых были достаточно масштабными событиями, чтобы попасть в главные новости. Они задействовали агентства, уполномоченные осуществлять всестороннее международное руководство, разрабатывали и вводили новые, более качественные нормы и правила, за нарушение которых устанавливались новые, гораздо более жесткие санкции, призванные наказать тех, кого можно было причислить к «спекулянтам», и даже частично национализировали значительную часть банковского сектора.

Оказалось, однако, что в те месяцы восстановить истинную картину происходящего и в очередной раз аргументированно объяснить роль свободного рынка было достаточно легко. Вопреки пристрастным оценкам кризис 2007–2009 гг. представлял собой реакцию механизма свободного рынка на попытки государства в течение многих лет обманывать людей и регулировать цены. Не правительство, а рынок сигнализировал о том, что дело плохо², и что нужна перезагрузка процесса. Рынок никого не вводил в заблуждение — наоборот, это правительство породило у общества ошибочные представления, заверяя публику в том, что банковская система является платежеспособной и надежной, потому, что ее функционирование соответствует нормам и параметрам регулирования, которые были введены как предусмотрительным национальным правительством, так и международными агентствами, учрежденными группой государств. Что касается регулирования цен, то нет никакого сомнения в том, что, если бы и Федеральный резерв, и Европейский центральный банк не увеличивали предложение денег на 8% в год в течение нескольких лет подряд и не поддерживали процентные ставки на искусственно низком уровне, заемщики воздержались бы от принятия на себя невыполнимых обязательств, а кредиторы не пошли бы на предоставление кредитных ресурсов в виде займов столь низкого качества. Наиболее известным примером последствий такой политики может служить бум на рынке жилой недвижимости (см. [Holcombe and Powell, 2008] и [Norberg, 2009]), но этот пример далеко не единственный.

Иными словами, кризис стал результатом мягкой денежной политики, проводившейся в течение длительного времени, сомнительной практики рискованных кредитов, выдававшихся некомпетентными, жадными и в ряде случаев нечестными менеджерами, а также следствием неэффективного контроля со стороны рейтинговых агентств и других организаций, осуществлявших мониторинг указанных процессов. Разумеется, тот факт, что все эти явления имели место по обе стороны Атлантики, не дает оснований для утверждений о фатальной роли, которую якобы сыграла так называемая глобализация, как это недавно предположили некоторые авторы³. Широкое распространение кризисных явлений скорее должно стимулировать исследования той роли, которую по обе стороны океана играло государство, а также усилить интерес к изучению дефектов правовых систем, призванных пресекать случаи мошеннического поведения⁴. В отсутствие таких дефектов решение проблемы наличия убыточных компаний, в особенности компаний, возглавляемых некомпетентным руководством, будет возложено на процесс конкуренции. Однако принятию во вни-

мание вышеизложенных — и весьма простых — соображений, разъяряющих суть всей этой истории с последним кризисом, мешает тот факт, что такое объяснение неудобно для слишком большого числа тех лиц, для кого значительно более приятным и выгодным решением является игнорирование прошлого и регулирование будущего. Как это часто бывает после масштабных социальных катастроф, жертвы и виновники которых чрезвычайно многочисленны и перемешаны между собой, имеется множество причин, по которым никто не хочет углубляться в детальное выяснение того, что, в сущности, произошло. Невежество участников, изобретаемые ими определения честности, оправдывающие их позицию, и нежелание признать, что движущей силой индивидуального поведения могут быть жадность и некомпетентность, не могут быть положены в основу удовлетворительных и точных объяснений произошедшего, но они способны внести вклад в ослабление чувства личной ответственности. Поэтому обвинения раздаются либо по адресу абстрактных понятий (например, провалов рынка или эйфории и коллективной иррациональности), либо по адресу третьих сторон⁵. Все это укрепляет позиции тех, кто ратует за перераспределение убытков. Теперь ясно, что лидеры общественного мнения, как и общественные деятели в целом, поспешили перевернуть неудобную страницу истории и попросили регуляторов пообещать, что кризис больше никогда не повторится. Честно говоря, процесс выявления виновников произошедшего так и не начался, как если бы то, что произошло, было бы явлением хотя и прискорбным, но согласующимся с правилами игры, принятыми ранее, и как таковое оставалось бы приемлемым с юридической точки зрения. Экономисты тоже стремились продолжить свое участие в этой игре и поэтому поспешили примкнуть к широко разделяемой точке зрения, охарактеризованной выше. Они признали (хотя некоторые из них сделали это весьма неохотно), что нормы регулирования, задуманные как оптимальные, оказались не такими уж оптимальными, и тут же предложили институциональные реформы: введение новых ограничений на индивидуальное поведение и расширение дискреционных полномочий* для чиновников национального и международного уровня. Разные школы экономической мысли различались техническими деталями, т.е. по-разному отвечали на вопросы, как именно нужно энергично противостоять кризису и какие именно новые нормы регулирования должны

* Дискреционными называются права и полномочия лица или органа, позволяющие ему осуществлять действия по собственной инициативе, без каких-либо разрешений вышестоящих лиц, органов или других ветвей власти и без согласования с ними. — *Прим. науч. ред.*

быть разработаны и внедрены в будущем. Кажется, что одним из главных уроков, вынесенных из кризиса, стало разделяемое всеми убеждение в том, что в обществе существует некий неявный договор, легитимирующий вмешательство государства в частные сделки, осуществляемое для общего блага. Этот договор не нуждается в ратификации, но вместе с тем сфера его действия должна быть расширена, а сам он должен быть сделан более эффективным.

3 Главное содержание этой книги состоит в демонстрации того, что — вопреки вышеупомянутому убеждению — в экономике свободного рынка отсутствует общественный договор с характерными для него принудительной солидарностью и социальной рациональностью, что доктрина свободного рынка опирается скорее на моральную философию, чем на политическую целесообразность. Иными словами, сторонники свободного рынка считают, что государственное вмешательство и другие формы достижения централизованно установленного общего блага могут оспариваться на том основании, что они противоречат принципу справедливости, а не потому, что они не согласуются с критерием максимизации общественного благосостояния. Точно так же идеи свободного рынка заслуживают признания не потому, что они высокопродуктивны. Мы не отрицаем того обстоятельства, что уважение ценностей свободного рынка (т.е. уважение принципа частной собственности, соблюдение свободы контрактов и отказ от государственного вмешательства) может иметь своим следствием рост благосостояния и более эффективное достижение экономических результатов. Однако мы делаем упор на том, что экономическая эффективность не является ключевым аргументом в пользу мировоззрения свободного рынка. Мы настаиваем также на том, что, даже если честные политики и трудолюбивые бюрократы выступают за совершенствование правил и минимальное государство, этого недостаточно для того, чтобы считать их сторонниками свободного рынка. Иначе говоря, мы утверждаем, что обоснование идеи свободного рынка, базирующееся на консеквенциализме или на том, что желаемое выдается за действительное, не выдерживает критики, и сторонники такого подхода будут вынуждены принять какую-либо из версий доктрины третьего пути*.

* Консеквенциализм — широкий класс этических учений, в который входит утилитаризм, этический (философский) эгоизм, доктрины социального альтруизма и др., объединенных идеей, согласно которой суждение о моральности действия выводится из его результатов (последствий). Противостоит деонтологическим этическим доктринам, утверждающим, что моральность действия должна устанавливаться применительно к действию как таковому, вне зависимости от его результатов. — *Прим. науч. ред.*

1.2. Ошибки современной экономической науки

Следует заметить, что широко распространенный оппортунизм, консеквенциализм и склонность выдавать желаемое за действительное далеко не единственные проблемы, заслуживающие критического внимания. В настоящей книге мы стремились также показать, что значительная доля ответственности за всеобщее непонимание природы экономики и неумение принимать обоснованные решения в сфере экономической политики должна быть возложена на господствующую сегодня манеру экономического теоретизирования. Экономическая деятельность протекает в окружающей среде, не сводящейся к простой системе механических обменов, совершаемых рациональными индивидами, которая регулируется контрактами и для которой характерно наличие процедур принуждения, имеющих своей целью уменьшение так называемых транзакционных издержек. Среда, в которой осуществляется экономическая деятельность, имеет и социальный контекст, в котором правила игры отражают широко разделяемые и исторически обусловленные ценности. К сожалению, экономисты не слишком часто уделяют внимание оценке влияния, оказываемого этими разделяемыми ценностями. Они либо полностью игнорируют их существование, либо трактуют их как проявления «культуры», которую экономисты считают «воздействием остаточных факторов», как они называют то, что не хотят или не могут проанализировать, не говоря уже о том, чтобы объяснить. В частности, если исключить объяснения высокой экономической эффективности хорошей экономической политикой⁶ (сегодня именно в этом состоит общепринятый подход к анализу экономических явлений), то попытки экономистов объяснить последний кризис провалились из-за двух методологических дефектов экономической теории, которые представители мейнстрима в последние пятьдесят лет отказывались даже обсуждать⁷. Одним из этих дефектов является посткейнсианский сдвиг к холистическим построениям, другим — появившаяся в конце XIX столетия концепция гедонистической рациональности. В следующей главе мы покажем, как возникли и — в ходе неустанных усилий, направленных на то, чтобы экономическая теория обрела статус «настоящей», т.е. естественной науки, — набирали силу концепции холизма и гедонистической рациональности. По этой причине экономическая теория поддалась соблазнам индуктивизма и предалась поискам иллюзорной надежности и прогностической точности количественных методов.

1.2.1. Холизм и поиск нормальности

4 Строго говоря, мейнстрим совершенно определенно признает, что главными действующими лицами, определяющими то, что происходит в экономике, являются индивиды. Вместе с тем мейнстрим исходит из того, что в конечном счете наука должна формулировать общие, точные и неизменные законы, а также из того, что невозможно представить существование таких законов применительно к каждому конкретному человеческому существу (в частности, потому что каждое человеческое существо более или менее непрерывно изменяет свои конкретные особенности). Отсюда мейнстрим делает вывод, согласно которому для того, чтобы приобрести статус науки, экономическая теория с необходимостью должна создать искусственного индивида, должна сформулировать теории, которые будут применяться к этому искусственному игроку, и, наконец, должна тестировать эти теории на этом гипотетически репрезентативном агенте. Погоня за количественным подтверждением теории, получаемым на эмпирических данных, и соблазн использовать теорию для рекомендаций в сфере экономической политики еще больше сдвинули науку в этом направлении и, к сожалению, позволили легко забыть, что гипотеза о типичном индивиде должна была остаться элементом учебных пособий, каковое обстоятельство около ста лет тому назад особо подчеркивал Альфред Маршалл. К несчастью, однако, этот подход, ставший общим местом мейнстрима, поставил в центр реального мира условного типичного индивида, превратив в центральную часть целого именно эту фигуру. Иначе говоря, в качестве агентов, ставящих цели, экономисты стали рассматривать некие искусственные существа (роботов), а агрегаты проявлений таких роботов стали трактоваться как субъекты, имеющие цели и иные свойства личностей (холизм). Поэтому в результате сложилась ситуация, когда, забыв уроки, преподанные Кондорсе и Эрроу, сегодняшние экономисты часто чувствуют себя вправе устанавливать и ранжировать предпочтения, якобы имеющиеся у агрегированных величин, исследуют «поведение» общностей на основе наблюдений за их частью (т.е. за роботом) и выступают с рекомендациями о том, как достичь предписываемых («общественных») целей.

Неудивительно, что холизм открывает возможность для такой экономической политики, которая, претендуя на достижение общего интереса, считается корректировкой отклонений от нормального течения дел (при этом делается неявное допущение, согласно которому нормальное течение дел есть то, что составляет содержа-

ние ожиданий типичного экономического агента). Однако концентрируя свое внимание на агрегированных показателях, профессиональная экономическая наука упустила из виду тот факт, что экономическую деятельность с необходимостью осуществляют люди, а не роботы. Аналогичным образом, концентрация преимущественно на нормальном, т.е. неизменном течении дел, привела к тому, что большинство экономистов стали либо игнорировать индивидуальные предпочтения, либо начали рассматривать их как отклонения, а иногда и как досадные исключения из этого нормального течения дел, как случаи систематически ошибочного восприятия реальности иррациональными агентами, каковые случаи требуют коррекции, осуществляемой просвещенным технократом и политиком, действующим из благих побуждений.

1.2.2. Рациональность и институционализм

Невозможно переоценить важность понятия «нормального», в особенности когда концепция «нормальных предпочтений» рассматривается как весьма близкая к концепции «рационального поведения». Так, например, следуя концепции *Homo Oeconomicus* («человека экономического»), принадлежащей Джону Стюарту Миллю, и концепции общего экономического равновесия, разработанной Вальрасом, экономисты мейнстрима вплоть до 1970-х гг. исходили из того, что экономические агенты стремятся к достижению только материальных и количественно определенных целей, которые выражаются в терминах выгод и затрат, и из того, что все это происходит в мире, в котором транзакционные издержки отсутствуют, а выработанные контракты являются совершенными. Такие агенты считались рациональными⁸.

Нужно признать, что в последние десятилетия мейнстрим неоклассического направления пытался усовершенствовать эти весьма механистические воззрения. Однако, с одной стороны, в рамках мейнстрима не удается в полной мере уяснить смысл таких понятий, как рациональность, осознанность и альтруизм. С другой стороны, интенсивные усилия, предпринимавшиеся экономистами мейнстрима для того, чтобы инкорпорировать результаты, полученные экономистами, принадлежащими к так называемому новому институционализму, пока что еще не дали убедительных результатов⁹. Хотя институционалисты заслужили хорошую репутацию за развитие экономической теории контрактов и за вклад, внесенный ими

в понимание роли транзакционных издержек, которые далеко не так малы, чтобы ими можно было пренебречь, институционализм не дал (и не имеет поныне) никакого объяснения тому, как именно происходит развитие институтов и их взаимодействие с индивидами. В отсутствие удовлетворительной теории эволюции институтов и теории взаимодействия, экономисты либо вынуждены считать предпочтения экзогенными, признавая тем самым, что экономическая наука ничего или почти ничего не может сказать об индивидуальном поведении, и вторгаясь, поэтому, в сферу психологии, либо должны трансформировать экономическую теорию, превращая ее в индуктивную науку, в рамках которой главную роль играют статистические методы прогнозирования, а теория развивается только в режиме *ex post*. Как было указано выше, в настоящий момент обе эти разновидности достаточно полно представлены в экономической науке. С одной стороны, здесь имеются такие направления, как экспериментальная экономика и экономика сложных динамических систем*. Экономисты, работающие в рамках этих направлений, пытаются моделировать психологические паттерны, включая в круг анализируемых явлений человеческие эмоции, которые они формализуют, трактуя их как параметры некоей гедонистической экономико-теоретической игры. С другой стороны, использование количественных методов в экономической теории к настоящему моменту настолько сильно изменило исследовательский стандарт, что экономико-теоретическое исследование стало сводиться к разработке и применению все более изощренных статистических процедур. В заключение добавим, что мы не видим, чтобы увлечение понятиями рационального и институционального и расширение сферы их использования в какой-то существенной мере помогло понять, что именно происходило в экономике в последние десятилетия. Вопреки общему убеждению мы полагаем, что экономическая профессия нуждается в радикальном переосмыслении базовых элементов, лежащих в основе коллективных взаимодействий, и что сегодня настоятельно требуется углубленное критическое исследование оснований экономико-теоретических суждений и способов получения экономико-теоретических выводов, которые внесли свой вклад в ослабление личной ответственности, т.е. в ослабление ключевого элемента самой концепции свободного рынка.

* «Экономика сложности» (*complexity economics*) — совокупность методов, которые, как считают экономисты этого направления, позволяют использовать аппарат моделирования сложных динамических систем для воспроизведения эмоциональных реакций участников рынка. — *Прим. науч. ред.*

1.3. Шотландское наследие и его судьба

Альтернативу превращению экономической теории в раздел экономической статистики и в поставщика рекомендаций в области мер экономической политики, целью которых будет некое общее благо, можно найти в наследии плеяды шотландских авторов, определивших содержание и границы научного метода в общественных науках. Френсис Хатчесон, Давид Юм, Адам Фергюсон и их последователи рассматривали общество как часть естественного порядка, который можно назвать «божественным» (см. [Hutcheson 1726: I, V]). Однако, хотя шотландцы признавали, что планы божества находятся вне человеческого разума, они призывали людей использовать свой разум для того, чтобы понять механизм, управляющий взаимодействиями между сынами божьими, или, говоря более предметно, чтобы понять тот способ, посредством которого осуществляются спонтанные взаимодействия между людьми, а также понять, в чем состоят последствия этих взаимодействий. При таком взгляде на экономическую науку она оказывается дисциплиной, изучающей непредвиденные последствия добровольных действий индивида в условиях ограниченности ресурсов¹⁰. Эта теория была названа политической экономией именно потому, что ее предметом стала система взаимодействий, сотрудничества и координации, существующая в таком социальном контексте, который возможен лишь при определенных политических условиях.

Как уже упоминалось выше, в недавнем прошлом экономисты — и принадлежащие к профессиональному сообществу ученых, и практики — не принимали во внимание такую точку зрения на свою науку. Шотландская исследовательская программа подвергалась критической атаке с двух сторон. Один фронт образовался в конце XIX столетия, а другой возник во второй половине XX века. К критикам, относящимся к первому направлению, можно причислить Торстейна Веблена и Карла Менгера (см. [Langlois, 1989]), несмотря на то, что между ними имеются существенные расхождения практически по всем остальным вопросам, и несмотря на то, что они критикуют весьма разные аспекты шотландской парадигмы. Оба автора начинают с характерного для классического либерализма утверждения, согласно которому индивиды сформированы опытом и институтами, которые служат в качестве своеобразных ограничений действий индивида. Однако если это так, то, по мнению обоих критиков, рассмотрение функционирования экономики во всей его полноте не может игнорировать возможность того обстоятельства, что рутинные

практики и механизмы, характеризующие это функционирование, не являются постоянными, но, напротив, они всегда изменяются, поскольку изменяются общественные взаимодействия. Итак, если не предполагать постоянства этих институтов, экономическая наука требует, чтобы была сформулирована динамическая теория, описывающая тот способ, посредством которого индивиды меняют свои представления под воздействием внешних стимулов, а также того способа, которым эти изменения преобразуются в действия и в конечном счете приводят к трансформации всей системы институтов. К сожалению, Веблен, Менгер и их последователи не сильно продвинулись по этому пути и не смогли дать ответ на тот вопрос, который сами же и поставили¹¹. Поэтому Веблен продемонстрировал известную последовательность, когда в полном соответствии с этими своими воззрениями, провозгласил конец экономической теории, отказав ей в статусе общественной науки. Менгер, напротив, сосредоточился на ситуационном анализе, бывшем зеркальным отражением теории частичного экономического равновесия с той лишь поправкой, что предположение «при прочих равных» Менгер заменил гипотезой «при постоянных институтах». Вторая волна критики [шотландского подхода] имела более далеко идущие последствия. Ее авторы заявляли, что если принять утверждение, согласно которому экономическая теория изучает процессы, приводимые в движение целесообразным поведением людей (утверждение, с которым могли бы поспорить лишь самые радикальные бихевиористы), то экономическая теория с необходимостью требует ясного определения той цели или тех целей, которые преследуют экономические агенты. Таким образом, выход за пределы сделанного Дж. Ст. Миллем первоначального и судьбоносного применения концепции целесообразного поведения только к задаче увеличения материального богатства привел к тому, что концепция целесообразного поведения обернулась троянским конем, с помощью которого экономическая наука постепенно и успешно была преобразована в дисциплину, оправданием которой стала возможность проведения упражнений типа «что если». Как только такое телеологическое мировоззрение стало основой экономической мысли — а именно это случилось с экономической наукой в XX столетии, несмотря на отдельные попытки двигаться в противоположном направлении — все сомнения XIX века были просто-напросто положены на полку, где они заняли свое место среди других экспонатов истории экономической мысли. Как только индивидуальная или общественная цель считается определенной, значимое и содержательное действующее лицо превраща-

ется в лицо, разрабатывающее меры экономической политики (как в теории общественного выбора) или в судью (как в экономическом анализе права Ричарда Познера). В итоге институты стали восприниматься скорее как инструменты экономической политики, чем как прагматические и/или органические ограничения (в терминах Менгера)¹².

1.4. Разрывая порочный круг институционализма

Мы полагаем, что озабоченность в отношении проблемы институтов, выраженная Вебленом, Менгером и Хайеком, нанесла шотландской традиции значительно менее серьезный ущерб, чем это кажется на первый взгляд, и что большинство уроков шотландской школы остаются верными и сегодня, в особенности в свете того обстоятельства, что за это время профессиональными экономистами были слепо восприняты некоторые ключевые предположения. В первых главах книги мы рассмотрим эти предположения, проанализировав ряд методологических утверждений, которые принимаются без доказательств. Так, в главе 2 мы обсудим место, занимаемое концепцией равновесия в истории экономической мысли, и — в более общем плане — процесс, в ходе которого профессиональное сообщество экономистов совершило поворот к конструктивизму. Глава 3 посвящена таким понятиям, как время, рациональность, осознанность действий и альтруизм, а в главе 4 мы будем иметь дело с природой формальных институтов и проблемой их легитимации. Вторая часть книги (главы 5–7) посвящена исследованию двух главных теоретических школ, положения которых обычно озвучивают сторонники свободного рынка традиционного толка (консеквенционалисты), а именно конституционную экономику и теорию транзакционных издержек. Заключительные главы посвящены проблемам реального мира: в этих главах мы осуществляем переоценку стандартного анализа экономического роста (глава 8) и проблем бедности и переходных экономик (глава 9). Для обоих этих направлений экономической теории характерно использование двух групп предположений, которые мы кратко затронем сейчас и к которым будем неоднократно возвращаться в книге.

Первая группа предположений касается индивидуального поведения и вводит понятие неопределенности. Вопреки традиционной точке зрения индивиды, действующие в мире свободного рынка, ни

чего не максимизируют. За исключением очень короткого периода будущего, они либо игнорируют собственные цели, либо не в состоянии определить их сколько-нибудь точно. Более того, большинство решений, по меньшей мере частично, подлежат постоянному пересмотру вследствие изменений, происходящих в окружающем мире, изменений в восприятии мира экономическими агентами, изменений в системе социальных взаимодействий. Этот подход выдвигает и более реалистическое предположение, согласно которому человеческие существа стремятся увеличить степень своей удовлетворенности как посредством подражания (дешевый способ восполнения недостающей информации), так и путем проб и ошибок.

Второй набор предположений рассматривает прагматические и исторические институты и определяет условия социальных взаимодействий, в соответствии с которыми шотландское научно-методологическое наследие принимается или отвергается. Прагматические институты представляют собой сознательно полученные результаты деятельности конкретных групп. Эти группы преследуют общие цели и стремятся ограничить поведение других членов своего сообщества так, чтобы обеспечить себе привилегии и возможность присваивать бюрократическую ренту. Прагматические институты эволюционируют сравнительно быстро¹³ и развиваются по следующим двум направлениям. Первое направление задается техническим прогрессом: институты приспособляются – либо в ответ на те или иные изменения проблем, для решения которых они были (или предполагалось, что были) созданы, либо в ответ на изменения баланса сил в политических коалициях. Например, может измениться относительная сила подгрупп, формирующих элиту, или их интересы и нужды. Другой пример – прогресс военных технологий, который часто меняет количество ресурсов, необходимых для защиты авторитета и сохранения власти. Разумеется, во всех этих случаях желательность последствий соответствующих институциональных изменений устанавливается эмпирически. Нет никаких гарантий, что в ходе эволюции институты обязательно изменяются от худшего к лучшему. Второе направление эволюции прагматических институтов, или второй тип воздействий на них, порождается идеологиями, успех и степень влияния которых зависят также от удачи, особенностей экономической ситуации, манипуляций с помощью средств массовой информации и от грубых ошибок в правилах, претендующих на то, чтобы заменить собой существующие (к последним, разумеется, относится война). Вопреки большей части современной литературы по этой проблематике именно здесь реализуется прин-

цип, согласно которому прагматические институты демонстрируют весьма умеренную степень зависимости от предшествующего пути. Мы вовсе не оспариваем того факта, что события в момент $(t + 1)$ зависят от того, что происходило в момент t . Но мы отрицаем, что наблюдаемое в момент $(t + 1)$ есть единственно возможное событие, которое могло бы следовать из момента t . Равным образом мы отрицаем, что ошибка прогноза такого события имеет своей причиной только лишь отсутствие удовлетворительной теории (как это предполагается в рамках позитивистского детерминизма) или нашу неспособность читать прошлое и позволить данным говорить самим за себя (как это предполагается в рамках историцизма).

Исторические институты (термин наш) представляют собой моральные и политические основания коллективного тела¹⁴, т.е. того большого сообщества, члены которого имеют общие черты, участники того окончательного подразумеваемого соглашения, которое держит их вместе, и те правила игры, которые управляют его функционированием и конечными целями, как это понимается или ощущается подавляющим большинством его составных частей. В этом контексте важную роль играют такие чувства, как, например, зависть и нечестность (см. [Schoeck, 1966], [Шёк, 2010]), что имеет свои последствия для лиц, осуществляющих экономическую политику, в виде перераспределения и нарушения прав частной собственности в качестве элементов этой социальной роли. Или, иначе говоря, исторические институты формируют великий ситуационный контекст, в рамках которого создаются и затем модифицируются прагматические институты. Во времени исторические институты меняются очень редко, они не демонстрируют такие свойства, как зависимость от предшествующего пути, и оказывают глубокое воздействие на природу социальных взаимодействий, равно как и на ту роль, которую играет политическая власть. Когда мы имеем дело с подавляющим большинством людей, разделяющих общую систему ценностей, то сеть исторических институтов оказывается достаточно широкой для того, чтобы абсорбировать политические изменения и экономические потрясения¹⁵. Если такого условия нет и подавляющее большинство людей с одной и той же системой ценностей отсутствует, общество теряет свою легитимность и распадается, иногда насильственным образом (т.е. в результате гражданской войны), в других случаях относительно благополучно, если подгруппы стараются сформировать исторические институты, которые могли бы позволить достичь коллективного соглашения. Очевидными примерами здесь могут служить мирная сецессия (выделение одного госу-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru